

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ И УГРОЗЫ

ДВАДЦАТЬ ВТОРЫЕ ГУБЕРНАТОРСКИЕ ЧТЕНИЯ

Тюмень, 10 ноября 2015 г.

Тюменская областная научная библиотека им. Д.И.Менделеева,
филиал Президентской библиотеки им. Б.Н.Ельцина

Лектор — директор Института социологии Российской академии наук, академик РАН **М.К.Горшков**.

Ключевые слова: Россия, российское общество, общественное мнение, кризис, Тюменская область

**Губернатор
Тюменской области
В.В.Якушев**

Уважаемые коллеги! Тема нашей сегодняшней встречи, которая проходит в рамках Двадцать вторых Губернаторских чтений, — «Российское общество: новые вызовы и угрозы».

Каждый день каждому из нас приходится искать ответы на самые сложные вопросы, преодолевать испытания, противостоять новым вызовам. В последнее время, по утверждению социологов, в массовом сознании россиян произошла переоценка основных источников угроз: если в 2013 г. главными были внутренние проблемы, то в 2014—2015 гг. фокус сместился на внешние обстоятельства.

К смене приоритетов привели известные события — украинский кризис, нагнетание международной напряженности, западные санкции. Обострили ситуацию в обществе рост цен и страх безработицы.

Хочу напомнить, что главное богатство России, главный ресурс ее развития — не территория, не история, не нефть, не газ и не бюджет. Главное богатство России — ее граждане. Точно так же, как главное богатство Тюменской земли — тюменцы.

Именно поэтому в любой кризисной ситуации мы должны не кивать на внешние влияния и обстоятельства непреодолимой — якобы — силы, а всматриваться в самих себя, в себе искать внутренние резервы. Источник надежды и оптимизма — здесь, а не где-то за горами. А для этого мы прежде всего должны лучше понимать себя. Заниматься трезвым социальным и политическим самоанализом. Именно самоанализом, а не самообманом. Не питать радужных иллюзий, но и не впадать в уныние. Для этого нам и нужна качественная, честная, ответственная социология.

Вот почему нашим сегодняшним гостем стал Михаил Константинович Горшков — академик РАН, доктор философских наук, директор Института социологии Российской академии наук.

Михаил Константинович — специалист в области социальной философии и одновременно конкретных социологических исследований современного российского общества, автор более чем 300 научных работ.

Что помогает сохранить выдержку и здравый смысл, не впасть в панику в период перемен? Ответ — на нашей сегодняшней встрече.

А сейчас я передаю слово модератору «Губернаторских чтений» Святославу Игоревичу Каспэ.

**Председатель
Редакционного
совета журнала
«Полития»,
профессор Высшей
школы экономики
С.И.Каспэ**

Начну свое короткое выступление со слов, произнесенных более 30 лет назад и процитированных с тех пор примерно миллион раз. Но, кажется, мы не всегда верно прочитываем их смысл, особенно применительно к сегодняшнему дню.

«...Если говорить откровенно, мы еще до сих пор не изучили в должной степени общество, в котором живем и трудимся, не полностью раскрыли присущие ему закономерности... Поэтому порой вынуждены действовать... весьма нерациональным способом проб и ошибок». Сказано Юрием Андроповым на пленуме ЦК КПСС 15 июня 1983 г. Эти слова интересны не только тем, что были произнесены генеральным секретарем партии, главой правительства СССР. Андропов ведь на протяжении многих лет руководил Комитетом государственной безопасности — и просто по должности был обязан хорошо знать общество, в котором работал. А вот, оказывается, не знал...

«Не знаем... не знаем...» с тех пор стало почти что мантрой. Однако она уже давно не соответствует реальности. За эти годы мы узнали очень, очень многое об «обществе, в котором живем» — прежде всего благодаря отечественной социологии. Конечно, это миф, что в Советском Союзе социологии не было — была, и в некоторых сегментах вполне качественная. Но именно в последующие десятилетия российская социологическая наука достигла колоссального методологического, концептуального, технологического прогресса (в том числе, конечно, усилиями академика Горшкова и руководимого им Института социологии РАН).

Теперь мы знаем многое о себе. То есть это социологи знают: к сожалению, востребованность социологического знания в публичном пространстве обычно сводится к отдельным замерам и рейтингам, вырванным из контекста цифрам, которые сами по себе мало что значат. Утверждение «столько-то процентов населения горячо одобряет (или горячо осуждает) то-то» само по себе не говорит ничего — кроме того, что соответствующее количество респондентов одинаково ответило на заданный вопрос. Почему они так ответили, что они при этом думают на самом деле, Бог весть. Опросная социология, при всем к ней уважении и при всей ее нужности, — лишь верхушка айсберга. А ведь есть еще и «понимающая социология», берущая свое начало от одного из основателей этой науки Макса Вебера. Социология, способная выявлять

действительно фундаментальные ориентации и установки человека, социальных и региональных групп, целых наций...

Мы прежде всего должны понять самих себя. Губернатор Якушев безусловно прав: мы сами являемся главным ресурсом, в самих себе нужно искать ответы на вызовы современности. Но и главный вызов для нас — опять-таки мы сами. Наше общество — главная проблема для самого себя. Просто потому, что никто, кроме нас самих, не способен ни принести нам столько пользы, ни так навредить. Наверное, каждый хоть раз в жизни слышал слова: «Не мы такие — жизнь такая». Это лживая уловка. Жизнь именно такая, каковы мы, а вовсе не наоборот. И, кстати, любые внешние вызовы менее значимы, чем наши реакции на них, — это прямо следует из доклада академика Горшкова. Михаил Константинович, Вам слово.

М.К.Горшков

Сегодняшнее выступление для меня как руководителя федерального академического научного учреждения особенно символично: «Губернаторские чтения» проходят накануне нашего профессионального праздника, Дня социолога, отмечаемого уже в 21-й раз. 14 ноября 1901 г. в Париже на улице Сорбонны была открыта Русская высшая школа общественных наук. В Париже — потому что в России социологии не было ни до, ни после революции. За пять лет своего существования Школа успела выпустить пару тысяч студентов, среди которых оказалось множество известных людей, в том числе депутатов первых Дум Российской империи.

В области развития отечественной социологии, в определенной степени самобытной, с тех пор произошло многое. Пережив многообразные «хождения по мукам», в последнюю четверть века она смогла обрести самостоятельность и утвердиться как важнейшая социогуманитарная дисциплина. В этом зале находится Геннадий Куцев, который добился того, что в России социология стала «социологией» в полном смысле слова: благодаря ему в отечественной академии появились степени кандидата и доктора социологических наук. Несмотря на сужение образовательной площадки, и сегодня делается многое — в каждом регионе по-разному. Несомненный позитивный факт — недавнее открытие Западносибирского филиала Института социологии РАН, находящегося именно в Тюмени.

Чем с бóльшим количеством сложностей будет сталкиваться наше государство и наше общество, тем важнее будет проблема определения форм общественного ответа на риски и вызовы современности — и тем острее станет потребность в социологической науке. Поэтому важно понимать, какие ресурсы социологии доступны нам уже сейчас.

Можно говорить о существовании трех «социологий». Все они занимают измерением различных параметров национальных, региональных и групповых общностей, но знание, получаемое ими, обладает различной научной значимостью и управленческой ценностью.

«Зондажная социология» выявляет реакцию общества на уже актуализированные явления и процессы. Ее представляют «поллстеры» — специалисты по оперативному съему данных и их представлению в легко воспринимаемом виде. Это очень важно; но вот на прошлогоднем Дне социолога Валерий Федоров, директор ВЦИОМ, прямо с трибуны заявил, что он «чужой на этом празднике жизни». Потому что его центр — именно поллстерский. ВЦИОМ, как и его конкуренты, занят сбором и обработкой информации, а не ее социологической интерпретацией.

«Описательная социология» выявляет количественные и качественные характеристики тех или иных объектов социальной реальности — для нужд их дальнейшего научного исследования или для решения практических задач. В обоих случаях описательный подход ограничен вниманием к внешним чертам изучаемого объекта и не предполагает стремления заглянуть внутрь его, понять природу и закономерности его развития.

«Аналитическая социология» имеет наибольший научный потенциал, поскольку выявляет причинно-следственные связи в пространстве изучаемых объектов. Она отвечает на гораздо более сложные вопросы: какие факторы повлияли на возникновение данного социального явления? какие этапы развития оно прошло? как оно влияет на другие явления?

Все три социологии значимы. Их главная цель — способствовать решению стоящих перед заказчиками (в число которых входят и органы государственного управления) задач. Важно ли было президенту знать состояние общественного мнения относительно присоединения Крыма перед тем, как выносить соответствующее предложение на рассмотрение Федерального Собрания? Конечно. Какая социология может получить такое знание? Зондажная, оперативная социология. Как было сказано в недавнем фильме «Крым. Путь на Родину», президент несколько раз запрашивал результаты опросов, проведенных в регионе.

Практический результат, который может дать описательная социология, тоже понятен — в частности, без нее трудно рассчитывать на эффективность каких бы то ни было социальных реформ. К сожалению, аналитической социологии сегодня уделяется меньше внимания. Ведь она комплектуется прежде всего кадрами из научно-исследовательских институтов и университетов, то есть из академической среды. А та, в свою очередь, перегружена огромными объемами образовательной, преподавательской работы. Между прочим, здесь, в этой плоскости, лежал один из главных мотивов создания на тюменской земле нашего филиала — мы хотим при помощи академической социологии, по-настоящему «глубинных» исследований интенсифицировать осмысление социальной реальности.

Использование аналитической социологии при выработке управленческих решений позволяет избежать таких типичных ошибок, как противопоставление «материального» и «идеального», духовного и практического и — особенно — экономического и неэкономического.

Модели экономического роста, исходящие исключительно из сугубо экономических факторов, дискредитировали себя, показали свою ограниченность и неэффективность. В современной науке на первый план вышла задача изучения воздействия неэкономических факторов на рост и развитие экономики. Нарращивание средств и физических объемов производства, как оказалось, совсем не играет в ней решающей роли. На фоне усложнения общественных структур возникла потребность в разработке моделей роста и развития, включающих в себя географические, информационные параметры, качество труда и жизни, уровень культуры, образования, профессиональных навыков, духовно-нравственные и социально-психологические факторы, которые через социальные практики обеспечивают стабильное экономическое развитие. Или — не обеспечивают.

Основные субъективные составляющие неэкономической сферы — это общественные интересы и формы, их выражающие: общественное мнение, идеи, чувства, настроения, нравственные нормы и ценностные ориентации, общественная воля. Такие сложные параметры измеряемы в разной степени и по-разному воздействуют на экономический рост. Их трудно привести к общему знаменателю.

В ситуации экономического спада роль неэкономических факторов дополнительно возрастает. В прошлом году, накануне украинских событий, на встрече президента Путина в Ново-Огарево с 10 академиками, специалистами в области экономики, в числе которых был и я (единственный гуманитарий), его прежде всего интересовало, как можно улучшить наши экономические показатели. Я попытался сделать акцент на проблеме мотивации как макросоциального ресурса развития, не менее важного, чем собственно экономические ресурсы.

Мотивация определяется вектором жизненных интересов людей, их базовыми морально-нравственными установками. Важно знать, как этот ресурс распределен и на федеральном, и на региональном уровнях — то есть в каждом конкретном политико-экономическом контексте. По моему мнению, чтобы анализировать подобные показатели, необходимо специальная служба социальной диагностики.

Теперь я подробнее остановлюсь на некоторых сюжетах, через призму которых потребность в такой службе видна особенно четко.

Как выглядит шкала жизненных устремлений россиян? Несмотря на миф о том, что русские люди не любят работать и вообще недооценивают значимость труда, первостепенны для них желания «иметь интересную работу» и «заниматься любимым делом». Потребность в хорошем образовании также входит в первую пятерку предпочтений.

Что важнее для достижения успеха в жизни? Даже в сравнении с населением Германии, одной из самых трудолюбивых стран, особой разницы заметить нельзя — у нас 67%, в Германии 70–73%. Отличия, конечно, есть — многие россияне считают нужным «давать взятки» (22% против 5%). С другой стороны, явно занижена оценка значимости хорошего образования (69% против 92%). Однако в целом можно

считать, что в ценностном отношении мы подтягиваемся к Европе — возможно, не так быстро, как хотелось бы.

При всех разговорах о нравственном упадке, вырождении нации и общества за последние 10 лет заметно выросло число тех, кто считает, что основные моральные нормы не подвержены влиянию времени и всегда актуальны, — с 51 до 60%.

Мы попытались выделить основные группы граждан России сообразно разделяемым ими ценностям и принципам. В первом блоке, который насчитывает 15% опрошенных, оказались те, кто считает, что многие моральные нормы устарели, что современный мир жесток и на пути к успеху через них иногда приходится переступать, что мораль и нравственность — сферы исключительно частной жизни человека, в которые государство вмешиваться никак не должно.

С.И.Каспэ

То есть, грубо говоря, среди нас 15% подлецов?
(Смех в зале)

М.К.Горшков

Я не готов однозначно ответить на этот вопрос. Интерпретация результатов в социологии — сложный процесс, многомерный, многоплановый...

Представителей второго блока больше в два с половиной раза — 37%. Они полагают, что основные моральные нормы не подвержены влиянию времени, что лучше не добиться успеха в жизни, чем переступить через них, что государство должно принимать участие в поддержании в обществе благоприятного морально-нравственного климата. Однако, включая каждый вечер телевизор, мы видим совсем другой баланс ценностей. Кто врёт, социологи или телеэкран? Я позволю себе и этот вопрос оставить без ответа... Еще один любопытный момент: существует ли разница в отношении к морально-нравственным ценностям между молодежью и представителями старших возрастных когорт? Да, небольшая есть. Но она не носит катастрофического характера, в целом распределения довольно близки.

Как в современном российском обществе соотносятся представления о традиционализме и модернизме? Тех, кто разделяет традиционалистские установки, по стране чуть больше чем две трети. На вчерашней встрече со студентами и преподавателями Тюменского государственного университета я задал вопрос: «Как вы ожидаете, будет ли соотношение другим в молодежной среде?». Хорошо знакомые мне прекрасные преподаватели-исследователи ответили, что оно должно составить 20 к 80 в пользу модернистов. Но реальность выглядит иначе — примерно поровну, 50 на 50. И это несмотря на то, что за годы реформ сформировалось, так сказать, «рыночное поколение» молодых россиян. Так что серьезного ценностного разрыва между поколениями все-таки не наблюдается, «ценностное ядро» сохранено.

Теперь я бы хотел обсудить современные тенденции, связанные с завершающимся годичным периодом существования российского социума в условиях санкций — как «прямых», так и «встречных». Представленные данные отражают результаты трех исследований, первое из которых было проведено осенью 2014 г., а последнее — только что, осенью 2015 г. Собственно, публичными результаты третьей волны исследований становятся именно здесь и сейчас. Мы попытались проследить системные трансформации в четырех различных сферах — социально-экономической, политической, социокультурной и религиозной.

Внешнеполитическая повестка поначалу действительно отодвинула на второй план основные социально-экономические заботы россиян, однако с весны 2015 г. положение стало меняться. Под влиянием кризиса и санкций фокус внимания населения сместился на ситуацию внутри страны. Западные прогнозы о том, что Россия подойдет к лету 2015 г. в состоянии разрухи и деградации, не оправдались; тем не менее в обществе усилились тревожные настроения. Большая часть граждан оценивает ситуацию в стране либо как спокойную, либо как напряженную, кризисную. Около 10% воспринимают происходящее как катастрофу. Но вот что интересно: доля «катастрофистов» почти не меняется примерно с 2008 г. — видимо, это люди, для которых такое восприятие естественно, срабатывает «по умолчанию». Все перераспределения происходят только между первыми двумя группами, но и они не слишком существенны — в пределах 10—15% в ту или другую сторону.

Индивидуальные психологические переживания — другой параметр, заслуживающий внимания. За последний год, несмотря на активную событийную динамику, соотношение преобладания позитивных и негативных эмоций менялось слабо, а в последнее время даже пришло к определенному равновесию — 50 на 50. Действительно, наблюдается некоторый рост безразличия и апатии, но не такой масштабный, как можно было ожидать, — с 9 до 12%. Причем апатию мы тоже относим к негативным состояниям.

Другим важным показателем состояния общества является оценка населением собственного материального положения. Данные 2014 г. беспокойства не вызывают: большинство (56%) отмечает отсутствие какой-либо динамики. Тех, кто уже тогда ощутил ухудшение, — 22%; улучшение ощутили ровно те же 22%. К осени 2015 г. доля позитивных оценок резко пошла на убыль (с 22 до 9%), а негативные возросли в два раза, до 44%. В такой ситуации страну выручает именно благоприятный социально-психологический фон, то есть «общественные ожидания». Трудно поверить, но это социологический факт — текущее положение ухудшается, но оптимизм сохраняется. Впрочем, и тут, как всегда в социологии, возможны разные интерпретации полученных данных.

Наиболее распространенные способы, которыми нынешний кризис воздействует на россиян, те же, что и при двух предыдущих кризисах (2008 и 1998 гг.). Естественно, прежде всего это рост цен, замеченный 70% населения. Впрочем, от 15 до 20% и роста цен не заметили...

Страх перед безработицей — еще одна из болевых точек, актуализирующихся в любые кризисные времена. Странно, что его испытывают при статистически крайне низкой безработице (5–6%). Объяснить этот феномен можно боязнью остаться без средств к существованию при отсутствии других социальных гарантий (пособия по безработице у нас минимальные, сбережения небольшие). Только 9% населения обладают сбережениями, позволяющими до года прожить без каких-либо доходов (до полугода — 25%). При этом свыше 45% имеют долги, в том числе 25% — невыплаченные банковские кредиты. Ни сбережений, ни долгов не имеют 35%. Они, как сказали бы раньше, живут «от зарплаты до зарплаты».

Затруднения с занятостью для различных групп населения проявляются по-разному. На молодежи до 25 лет, среди которой незанятость составляет 10%, кризис сказался незначительно — сохранились надежды, сохранилась уверенность в будущем. Лица предпенсионного и раннего пенсионного возраста находятся в гораздо худшем положении. Для них ситуация потери старой и вынужденного поиска новой работы чаще всего заканчивается полным выпадением из экономической активности, причем с каждым кризисом эта тенденция усугубляется.

Одним из важных последствий кризиса стало дальнейшее изменение взаимоотношений между работником и работодателем: баланс сил естественным образом смещается в пользу последнего. Опережающими темпами сокращаются зарплаты в индустриальном секторе, торговле и бытовом обслуживании. Для промышленности и строительства характерно увеличение трудовой нагрузки. Специально отмечу, что в 2015 г. средняя продолжительность трудовой недели здесь составила 42 часа. Средняя!

Год за годом реальная трудовая активность россиян все меньше вписывается в поле трудового законодательства. Кризис усугубляет происходящее: пользуясь им как предлогом, работодатели все масштабнее ущемляют предусмотренные законодательством социально-экономические права работников. По нашим оценкам, вне правового поля сейчас находится половина работающего населения. Год назад таких было 40–42%. Трудовое законодательство более или менее соблюдается лишь в отношении работников госсектора, однако и на государственных предприятиях все чаще случаются, скажем так, странные явления. Уверенность населения в стабильности своего положения на рынке труда за наблюдаемый период снизилась у всех профессиональных групп. Наименее уверены в себе и своем будущем низкоквалифицированные рабочие.

Скажу жестко: отечественный бизнес использовал кризис в своих целях. Необходимо вмешательство со стороны государства, прежде всего в форме усиления контроля над соблюдением прав рабочих на предприятиях частного сектора. Разные категории населения защищены по-разному: если почти все «белые воротнички» имеют полный набор

социальных гарантий, то большинство занятых в торговле и бытовом обслуживании находятся в абсолютном правовом вакууме.

Теперь попытаемся поставить вопрос о последствиях кризиса еще более прямо: какой ущерб, причем не только материальный, он нанес непосредственно человеку, его семье? Данные на конец октября 2015 г. показывают, что пока черт не так страшен, как его малюют. Очень значительный, катастрофический ущерб почувствовали 9% населения — видимо, те же самые «катастрофисты». Существенный, но не катастрофический — 47%. «Не очень существенный» — 29%. 15% вообще не заметили никаких последствий кризиса.

Реплика из зала

А это те, кто и роста цен не заметил. Кому терять нечего!

М.К.Горшков

Возможно. Это тоже вопрос интерпретации. Столь же допустима и интерпретация, что 44% россиян от кризиса совсем или почти никак не пострадали.

Главное, что восприятие населением кризиса, санкций, антисанкций и т.п. сравнительно с реакцией СМИ выглядит довольно умеренным, рациональным и прагматичным. Поэтому, в частности, я перестал и ходить на воскресную передачу с Владимиром Соловьевым, и даже смотреть ее — просто противно стало. Доказывать что-то надо спокойно и уравновешенно, основываясь на анализе реального поведения социума. Однако некоторые наши «эксперты» вбрасывают совершенно безосновательные утверждения, не заботясь о том эффекте, который они произведут. Или, напротив, только о нем и заботятся.

Еще один любопытный момент. В чем и до какой степени население готово «затянуть пояса»? От западных продуктов питания готовы отказаться 75%; от западных товаров длительного пользования, туристических и деловых поездок, хранения денег в иностранной валюте и банковских карточек Visa и MasterCard — примерно 50%. Но подавляющее большинство (от 70 до 90%) не готово к замораживанию пенсий, росту налогов и повышению пенсионного возраста. Мне кажется, что россияне вполне здраво и рационально смотрят на происходящее.

Была такая рабочая гипотеза, что главной жертвой текущих событий станет средний класс. Вопреки различным предположениям, он не изменил своей численности, оставшись в пределах 40—42%. Кстати говоря, его долю мы высчитывали даже более строгим методом, чем большинство западных коллег. Мы учитывали четыре параметра: самоощущение, образование (не ниже незаконченного высшего), характер труда (прежде всего умственный) и среднедушевой доход (с учетом специфики региона).

Интересно, что по одному из параметров — самоощущению — к среднему классу причисляет себя гораздо больше россиян, свыше 70%. Так полагают, например, 80% педагогов начальных классов (уровень их

зарплата вы, наверное, себе представляете). Через интервью мы выяснили, что они, остро переживая свою просветительскую роль в обществе, просто не могут отказать себе в принадлежности к среднему классу. Они тогда смысл жизни утратят.

Впрочем, ситуация в сфере потребления также изменилась не настолько, чтобы привести к сжатию среднего класса. Несомненно, жизнь средних слоев с точки зрения реализации желаний ухудшилась. Но желания не исчезли — расширилась зона «отложенных потребностей», то есть тех, которые люди планируют удовлетворить не сейчас, а в будущем.

Современный средний класс переживает то же, что и население в целом: он испытывает некоторые трудности и готов жертвовать определенными приобретенными позициями, поддерживая внешнеполитические ориентиры страны.

Хотя экономика находится в кризисе, сложившиеся ранее предпосылки развития пробивают себе дорогу. В России формируются условия для роста широкой гражданской самоорганизации на базе интернет-коммуникации. Развиваются практики низовой солидарности. «Партия интернета», еще недавно бывшая отдельным сегментом общества, быстро растворилась в консервативном большинстве, активно осваивающем новые технологии. Интернет превратился в развлекательный ресурс и уже не оказывает существенного влияния на гражданскую и политическую активность. Доля граждански и политически мотивированных активистов среди пользователей сети минимальна (не более 7%), остальных привлекает возможность общения, обмена мнениями, доступ к оперативной информации, новостям. Особый интерес представляет складывание виртуальных «слабых сетей». Превратятся ли они в «сильные сети»? Кто может стать их потенциальной, а потом реальной аудиторией? Вот вопросы, на которые интересно будет получить ответы. И мы их получим.

Консолидация россиян вокруг национально-патриотических ценностей сопровождается их трансформацией в современное общество потребления, в котором зависимость от власти снижается. В результате личные и индивидуальные интересы начинают превалировать над общественными. Об этом свидетельствует, например, увеличение доли граждан, не ожидающих и не требующих экономической поддержки от государства, — их уже около 45%. Это преимущественно молодые и/или обеспеченные россияне с выраженными установками на самодостаточность, самостоятельность, самореализацию. Это носители внутреннего локуса контроля (носители внешнего локуса контроля, наоборот, ждут стимулов извне). Именно в выявлении подобной динамики заключается анализ потенциального воздействия неэкономических факторов на экономический рост. Повторюсь: в условиях кризиса их роль значительно возрастает.

Приведенные мною данные свидетельствуют о серьезных переменах к лучшему, произошедших в стране за последние 15 лет. Почему

я так считаю? Руководимая мной исследовательская группа возникла еще в 1992 г., представляла результаты своих опросов первому президенту России. По сравнению с тем временем динамика развития, на мой взгляд, очевидна.

Позитивные массовые настроения во многом объясняются тем, в каком состоянии мы подошли к нынешним испытаниям. С начала 2000-х годов соотношение долей бедного и не бедного населения не просто поменялось, но перевернулось. В 2002 г. оно составляло 70 к 30 соответственно, в 2013 г. — 30 к 70. Рост доходов позволил не только совершить потребительскую революцию, но и пройти ее пик — телевизоров, холодильников и т.п. стало даже не по одному на семью, а по два-три. В результате уже после 2007 г. доля удовлетворенных своей жизнью начала устойчиво преобладать.

Возник внушительный слой самодостаточных россиян; а затем рост обороноспособности и международного авторитета страны избавил население от доминировавшего в 1990-е годы чувства национально-го стыда. В массовом сознании сблизилось гражданское и этническое, резко расширилась социальная база общероссийской идентичности. Сегодня формулу «мы — россияне» разделяет более 90% населения. Уникальное число, вдумайтесь в него! Присоединение Крыма, воспринятое как восстановление исторической справедливости, укрепило чувство гордости, доверие к институтам государственной власти.

Все перечисленное способствует адаптации массовых слоев к новым реалиям и смягчает остроту возникающих проблем, уравнивает социально-психологическое состояние граждан. Насколько устойчивым окажется этот ресурс? На этот вопрос может ответить только время.

В заключение я хотел бы остановиться на распределении ответов респондентов на вопрос: «Какой период в отечественной истории соответствует представлениям о России вашей мечты?». Мы подсмотрели его форму у немецких социологов. Впервые большинство немцев (55—57%) ответило, что хотело бы жить в современной Германии, только в 1976 г. — через 30 лет после войны! А в ответах фигурировали и Второй рейх, и Веймарская республика, и Третий рейх тоже...

У нас подобный перелом произошел в 2007 г., то есть спустя всего 15—16 лет после краха СССР. Какой ответ лидировал прежде, вы, наверное, догадываетесь: «эпоха развитого социализма» вплоть до 2006 г. получала порядка 40%. В 2015 г. — только 14%. Впрочем, за современную, «путинскую» Россию голосует еще не большинство — 32%. Но отрыв от иных вариантов ответа уже велик и продолжает расти. Конечно, прежде всего за счет молодежи. Новые механизмы адаптации работают все эффективнее.

С.И.Каспэ

Не могу не заметить, что на сегодняшних «Губернаторских чтениях» вышел прямо-таки идеальный подбор содокладов. Мы всегда говорили, что наш проект — это пространство встречи власти, науки и

бизнеса. Сегодня оценки актуальных вызовов, стоящих перед нами, прозвучат со всех этих трех «колоколен».

**Депутат
Тюменской
областной думы
В.И.Ульянов**

Я хотел бы попытаться ответить на вопрос, на который не был и не мог быть дан ответ в основном докладе: какими должны быть действия органов власти конкретного субъекта Российской Федерации, направленные на преодоление кризисных явлений? Поскольку мы не знаем, как на него ответило бы население Тюменской области, попробую провести собственный анализ.

Впервые с проблемой организации деятельности органов власти в субъектах Федерации мы столкнулись во время кризисных явлений 1990-х годов. Тюменская область тогда в качестве первоочередной меры сконцентрировала на своей территории доходы от добычи нефти и газа. Полезные ископаемые, однако, являются общенациональным достоянием, поэтому федеральный центр со временем вернул себе контроль над ними. Тем не менее регион получил полезный опыт самостоятельного выживания и стабилизации в предельно тяжелых условиях.

Траектория выхода из кризиса 1998—1999 гг. задавалась уже федеральным центром. В 2001 г. губернатором стал Сергей Собянин. Понимая, что сырьевые доходы не смогут кормить регион вечно, он начал поиск других источников, выстраивая программы сотрудничества Тюменской области и северных округов. Они дали эффект — бюджет 2006 г. оказался уже более сбалансированным, но все же неустойчивым. В результате региональные органы власти стали воплощать в жизнь идею промышленной, индустриальной модернизации юга Тюменской области, поощряя инвестиции и создавая благоприятный для них экономический климат.

Негативные социальные явления в период кризиса 2008—2009 гг. (безработица, снижение заработной платы) сглаживались не через привлечение населения к низкооплачиваемым общественным работам (как это происходило в некоторых соседних областях), а через переобучение, поощрение социальной мобильности и создание условий для самозанятости, особенно в сельской местности.

В результате наше население действительно научилось решать проблемы самостоятельно, а на юге области возникла новая промышленность, насыщенная высококвалифицированной рабочей силой. Статистика хорошо иллюстрирует наметившуюся позитивную тенденцию: если в 2009 г. индекс производства в обрабатывающей промышленности составлял 87%, то уже в 2010 г. — 117%, в 2013 г. — 112%, в 2015 г. — 115%.

Обобщая этот опыт, можно сказать, что способность к гибкому и адекватному реагированию на кризисные явления стало выраженным свойством нашей региональной власти. На начальных этапах эта способность, возможно, проявлялась спонтанно, была интуитивной. Но теперь она превратилась в осознанно применяемый ресурс.

**Директор Центра
региональной
социологии
и конфликтологии
Института
социологии РАН
В.В.Марков**

На самом деле есть данные, дающие пусть косвенный, но тем не менее достаточно ясный ответ на вопрос о том, каких действий ожидает от своих властей население конкретного региона. Показатель удовлетворенности населения политикой, проводимой руководством Тюменской области, по итогам 2014 г. оказался одним из самых высоких в стране и составил 52%. Выше процент только в Чеченской республике!

С.И.Каспэ

Не будем, однако, забывать, что тут тоже возникает вопрос интерпретации. На всякий случай — это я о Чечне говорю...

(Смех в зале)

**Первый проректор
Тюменского
государственного
университета
В.В.Дубицкий**

Образование как общественный институт также представляет собой недооцененный ресурс для поисков выхода из кризисных ситуаций. В начале XX в. лишь 5% населения мира имели высшее образование; к началу XXI в. в отдельных странах этот показатель достиг 50%. По итогам переписи населения 2010 г. в России высшее образование имеют 39% 25—39-летних жителей. Видимо, дальше их доля будет сокращаться — в связи с укрупнением университетов, сокращением количества бюджетных мест...

О российских вузах сегодня говорят в основном в повелительном наклонении: вуз должен войти туда-то и туда-то, должен наращивать уровень цитируемости сотрудников, должен развивать инновационную деятельность... Но вуз тоже имеет право голоса! Нет ли, скажем, противоречия в принуждении к выбору между собственно образовательной и научной деятельностью, не страдает ли университет от жестких требований по наращиванию последней? Соглашусь с недавно высказанным мнением ректора Высшей школы экономики Ярослава Кузьмина: цитируемость преподавателя не так важна, если его студент глубоко знает предмет. Важно смотреть, например, на заработок выпускника через несколько лет после окончания им университета. Оценивать университет надо по вкладу в человеческий капитал!

В ситуации глобализации вуз не должен работать на один регион, поэтому надо стремиться повышать его международную конкурентоспособность. По крайней мере, такую политику формулирует наше правительство. А как пробиваться? Инициативы интернационализации, исходящие от научных и преподавательских коллективов, должны, конечно, всячески поддерживаться, однако чтобы сохранить самостоятельность языка русской науки, не следует полностью ориентироваться на Запад.

Между обществом и образованием должна существовать система многосторонних связей, интегрирующая множество мнений: и обучающихся, и работодателей. Пространство университета следует организовывать с учетом встроенности вуза в современную интеллектуальную среду.

Конкуренция между вузами не должна становиться войной. Ее цель — борьба за качество и уникальность предлагаемых образовательных услуг.

**Директор
по стратегическому
планированию
компании
«Сибур Холдинг»
Д.В.Колобов**

Темой моего выступления является актуальная в последнее время проблема импортозамещения и локализации производства — проблема, рассматривать которую я предлагаю именно в контексте угроз, вызовов и возможных ответов на них. Обсудить ее я бы хотел как представитель крупнейшего инвестора региона и страны в нефтехимической отрасли. Причем проблема импортозамещения для меня не абстрактна, а вполне конкретна: «Сибур» начал искать ее решение еще до нынешнего кризиса.

Не один десяток стран мира сегодня практикует политику наращивания производства на собственной территории. Их опыт весьма разнороден, он включает как успешные, так и неуспешные инициативы. Скажу подробнее о кейсах двух стран.

В чем суть промышленного «чуда» Сингапура в области нефтеперерабатывающей промышленности? В этой маленькой стране нет вообще ничего, кроме трудолюбивого населения и амбициозной власти. Ее политика строилась от простого к сложному — от партнерства с крупнейшими мировыми компаниями отрасли к созданию собственного нефтехимического производства, локализованного на острове Джуронг. Не имея ни ресурсов, ни внутреннего рынка сбыта, Сингапур стал, по сути, фабрикой, на которой задействовались высококвалифицированные трудовые ресурсы. На похожих принципах в Тюменской области было построено предприятие «Тобольск—Полимер». Сегодня оно создает в экономике региона мощный мультипликативный эффект: привлекает местную рабочую силу, связывает между собой предприятия из других областей промышленности. В результате образуется «кластер» взаимозависимых экономических агентов.

Индия, напротив, создавала собственное нефтеперерабатывающее производство прежде всего для того, чтобы удовлетворить внутренний спрос. Но вначале она также привлекала крупных международных лидеров отрасли. Старт с нуля, без современных технологий, невозможен — это подтверждает опыт Ирана, пытавшегося развиваться под санкциями, но без особого успеха.

Спрос на продукцию нефтехимической промышленности (полиэтилен, полипропилен) устойчив и будет расти, поскольку Россия потребляет ее в объеме, значительно меньшем, чем другие развитые страны мира. Пока локализация производства составляет лишь 20—30%, поэтому, основываясь на успешном опыте других стран, мы должны ее наращивать. Для этого от государства требуется четкое осознание целей промышленной политики, причем одновременно и в центре, и в регионах. Через инвестиции и международное партнерство государство должно поддерживать и те предприятия, которые предъявляют спрос

на нефтехимическую продукцию, и те, которые способны его удовлетворить.

Однако надо отдавать себе отчет, что от создания по-настоящему современной, качественной технологии до ее внедрения проходит не год и даже не два, а гораздо более продолжительное время. Чудес не бывает, значительный временной лаг между приложенными усилиями и их результатом неизбежен. Например, Бразилия сейчас является лидером в области глубоководного бурения. Но чтобы занять такую позицию, ей понадобилось 16 лет! Опыт Индии и Сингапура также показывает, что минимальная временная единица, нужная для перехода отрасли из одного состояния в другое, — три-пять лет, и таких этапов требуется тоже от трех до пяти. Следовательно, в тех областях отечественной нефтепереработки, где отсутствует стартовая мощность, особенно необходима международная кооперация. Акцент нужно делать прежде всего на отраслях, обладающих существенным и стабильным технологическим, кадровым, мощностным ресурсом.

Надо также понимать, что в ситуации жесткой конкуренции победителями не могут стать все. В капиталистической экономике нужно уметь отсеивать проигравших — просто дать им проиграть. А ставить на самых сильных, на победителей.

Несмотря на известную демонизацию санкций и их последствий, интерес международных компаний к нашей стране не уменьшился, это я заявляю ответственно. Опыт показывает, что если строить предприятия с зарубежным участием, то их дальнейшее обслуживание продолжается вне зависимости от каких-либо санкций. Технологии импортируются, затем локализируются — и способствуют экономическому росту и региона, и страны в целом.

В.В.Якушев

Хочу поблагодарить академика Горшкова за доклад, особенно за свежие, «горячие» социологические данные о том, как себя сегодня чувствует российское общество. Действительно, голос разума часто заглушается истерическими репликами оживившихся в период кризиса «экспертов».

В чем-то данные удивили, однако в целом оказались предсказуемыми. Страх перед безработицей растет прежде всего потому, что люди не имеют больших сбережений. Это сказывается на самочувствии и поведении населения, порождая такие настроения, и представители власти должны обязательно их учитывать в своей работе.

Например, буквально вчера, ожидая посадки в самолет, я смотрел по каналу РБК передачу о тех законодательных новеллах в сфере регулирования малого бизнеса, которые сейчас обсуждаются. Среди прочего предлагается расширить базу Единого налога на вмененный доход (ЕНВД). По моему мнению, этого допустить нельзя. Тогда малый бизнес, и без того находящийся в дискомфортном состоянии, еще глубже погрузится в пессимизм. Даже само обсуждение этой темы уже

породило крайнюю напряженность, которая затем воплотится в желание не платить налоги, уйти в «тень», остановить любые инвестиции и т.д. Разве нам это нужно?

Федеральным, региональным и муниципальным органам власти надо стремиться посылать позитивные, а не негативные сигналы. Мы должны вместе отвечать на вызовы, искать новые подходы к решению проблем, чтобы создать всем условия для комфортной работы в регионе. Напряжение должно быть погашено. Вообще-то Министерство экономического развития — не филиал Министерства финансов, а самостоятельное ведомство, со своей сферой ответственности. Ему надо формулировать собственную точку зрения на развитие экономики. Подобные прецеденты имеются: недавно Минэкономразвития смогло реализовать прекрасную инициативу — двухлетние налоговые каникулы для предпринимателей, начинающих бизнес! Дискуссия длилась почти десятилетие, и камнем преткновения был как раз Минфин, который панически боялся, что тогда перестанут платиться налоги, все предприятия разъединятся и разбегутся, чтобы открыться заново и воспользоваться каникулами. Но этого же не происходит!

Другое позитивное новшество — возможность зафиксировать ставку налога на длительный срок. На региональном уровне предельно низкая ставка ЕНВД была установлена нами сразу на четыре года и не меняется, но, как я уже сказал, теперь хотят пересчитать налоговую базу. Это уловка; предприниматели должны понимать, за что они платят. Если налоговые сборы растут, а общая ситуация не улучшается, то, естественно, будет расти социальное напряжение.

Да, мы объединились вокруг президента, рейтинг которого сегодня выше, чем когда бы то ни было. Да, нынешний спад несравним с 1990-ми годами, когда развал экономики и государственности происходил буквально на глазах. Страна тогда находилась на краю пропасти и в 2000-е годы постепенно стала от него отползать. Сегодня страну возглавляет лидер, имеющий максимальную поддержку населения; несмотря на сложности, порождаемые санкциями и международным напряжением, у нас есть множество достижений. Так, значит, нужно максимально их использовать для преодоления кризисной ситуации, а не губить их собственными руками!

Препятствия для развития на региональном уровне, с одной стороны, создаются преувеличенными страхами Минфина, который постоянно выражает беспокойство перспективой дефицитности местного бюджета. С другой стороны, как верно заметил академик Горшков, немалую негативную роль играют проблемы с управлением. Между прочим, они имеют место не только в государственном секторе, но и в частных компаниях и акционерных обществах. Например, мы постоянно работаем над тем, чтобы машиностроение, нефтесервис получали серьезные заказы. Однако в силу определенных ментальных особенностей периодически возникают сбои, причем именно по вине бизнеса.

Недавно одно из предприятий региона, обладавшее определенными финансовыми резервами, должно было получить на часть крупного заказа банковский кредит. В тот момент (2014 г.) все банки сжались, поэтому правительство региона приняло решение субсидировать кредитную ставку. Все, что требовалось от руководителя предприятия, главного его акционера и довольно состоятельного человека, это дать личные гарантии возврата кредита. Тем самым можно было бы не только сохранить оборотный капитал предприятия и рабочий коллектив, но и продлить потенциальный контракт минимум на три года. Руководитель предпочел свои личные интересы. Он просто отказался давать такие гарантии! В результате оборотный капитал оказался потерян, а контракт пришлось расторгать. Теперь предприятие находится на грани банкротства, контракт расторгнут, заказ ушел, а разбираться со всем этим безобразием пришлось руководству региона.

В период кризиса негативные черты российской ментальности проявляются особенно отчетливо. Возможностью исправить их или хотя бы сгладить действительно обладает система образования, которая должна выйти на принципиально новый качественный уровень. Однако тут тоже не все хорошо. Я согласен с Валерием Дубицким, что в этой области мы должны найти собственный путь. Однако его уже давно пора бы найти! И начать реальное движение, а не вязнуть в постоянных дискуссиях.

Сейчас сохраняют актуальность некоторые проблемы, которые должны были быть решены еще как минимум 10 лет назад. Все элементы системы образования взаимосвязаны: надо одновременно работать над качеством и выпускников, и преподавателей. Стать хорошим преподавателем без публикаций достойного уровня невозможно, да и отношение к такому педагогическому работнику среди студентов будет соответствующим. Без высокого академического уровня вряд ли получится привлечь школьников с высоким баллом ЕГЭ, а из троечников трудно сделать таких выпускников, которых примет на работу, например, тот же «Сибур».

В свою очередь профессионализм кадров способен помочь нашим компаниям конкурировать на национальном и международном рынках. Мне как губернатору очень хочется, чтобы регион трудоустроивал местную талантливую молодежь в лучшие компании. И чтобы ее представители, со своей стороны, превращались в хороших налогоплательщиков и законопослушных граждан.

Другая проблема, которую региональные и федеральные власти, высшая школа и бизнес могут решить только сообща, — «утечка мозгов». Самые талантливые наши студенты зачастую заканчивают здесь только бакалавриат. Затем они уезжают в магистратуру за рубеж, начинают активно двигаться по карьерной лестнице, занимать высокие посты, получать высокую зарплату — и не горят желанием возвращаться. Значит, нужно их мотивировать!

Недавно вместе с представителями Тюменского государственного университета я посетил во Владивостоке некое мероприятие, связанное с программой «5—100», согласно которой ряд отечественных вузов (среди них, кстати, есть и Тюменский государственный университет) должен попасть в ведущие мировые рейтинги. В рамках визита мы побывали на предприятии, где собирают машины Mazda. Его рабочие — граждане РФ, руководители — молодые люди до 40 лет. На мой вопрос, не стоит ли поставить крест на отечественном автопроме, мне ответили, что ситуация кардинально поменялась: в стране возникла совершенно иная культура автопрома. Люди, воспитанные новым производством, обладают другим мышлением и культурой работы. Они уже задействованы на производственных линиях ВАЗа, КамАЗа — и не далек тот день, когда отечественный автопром возродится. Такое общение меня действительно приободрило, хотя до этого я относился скептически к массовой поддержке автомобилестроения. Оптимистично я оцениваю и состояние отечественного авиапрома. В нем еще остались качественные старые кадры, хотя и почтенного возраста. Они, мне кажется, смогут подготовить молодежь, передать свою школу.

Даже «золотой дождь», лившийся на страну при цене 120 долларов за баррель нефти, не смог затушить все ее проблемы. Мы поняли, что просто не готовы работать с таким количеством денег. Почему? Этого нам не позволил менталитет вкупе с недостаточным уровнем образования и отсутствием опыта. Между тем работа в условиях кризиса дает возможность получить полезные навыки решения проблем в ситуации ограниченных ресурсов.

Кризис когда-нибудь закончится, поэтому мы ни в коем случае не должны опускать руки и останавливаться. От всех агентов развития региона требуется четкая и слаженная работа — как по воспитанию и обучению новых поколений, так и по созданию благоприятного климата для инвестиций.

В заключение хочу согласиться с тезисом Дмитрия Колобова: не надо вытягивать за уши тех, кто не заслужил возможности остаться на рынке, кто должен уйти. Ставку надо делать на сильных, и государственная поддержка должна доставаться им. Пересматривая сегодняшние программы развития в таком ключе, мы будем направлять средства в первую очередь тем, кто понимает, что с ними делать. Тем, кто может дать региону дополнительный объем продукции и дополнительные рабочие места, а затем поделиться своим успешным опытом с другими.

**Свободный
микрофон**

Президент региональной общественной организации «Ассоциация выпускников Президентской программы Тюменской области»

Д.А. Змановский: Какие именно ценности подразумевал основной докладчик, говоря о «ценностном ядре»?

Председатель Тюменского регионального отделения «Справедливой России» В.Ю.Пискайкин: Внешняя политика страны сегодня продиктована новыми условиями — прежде всего Крымом и Сирией. Будет ли вслед за ней трансформироваться внутренняя экономическая политика? Как долго мы сможем продержаться на рейтинге президента Путина в 90%?

Директор Центра дистанционного образования Тюменского государственного нефтегазового университета С.М.Моор: Является ли рост самодостаточности граждан угрозой стабильности государственной власти?

Мы достаточно давно слышим, что должны готовить конкурентоспособных специалистов. Какая роль отводится бизнесу в процессе их подготовки?

Депутат Тюменской городской думы, председатель Совета территориального органа общественного самоуправления микрорайона Тура А.М.Селезнева: Как, по мнению главного докладчика, СМИ используют данные социологических исследований? Чего в их интерпретациях больше, правды или произвола?

Депутат Тюменской городской думы А.И.Чирков: Не может ли поспешное реформирование системы образования без понимания того направления, в котором надо двигаться, быть описано знаменитым афоризмом: «Хотели как лучше, а получилось как всегда»?

Профессор Тюменского государственного университета М.М.Акулич: Одинаковые ли гарантии должно предоставлять государство самодостаточным и несамодостаточным группам населения?

Студентка Тюменского государственного университета М.Татевосян: Недавно Ирина Яровая, выступая в передаче Владимира Соловьева, использовала понятие «информационный терроризм». Может ли докладчик изложить свою точку зрения на этот феномен? Как он влияет на настроения россиян?

С.И.Каспэ: Это я Вам сразу скажу. Плохо влияет.

Л.С.Березин: Соглашусь со словами коллеги Каспэ, прозвучавшими в начале Чтений: все основные современные вызовы и угрозы российскому обществу находятся в нас самих. Какие из угроз такого рода, то есть внутренних, докладчик считает наиболее серьезными?

Профессор Тюменского государственного университета Г.Ф.Ромашкина: Слушая доклад, я вспомнила, что, как считается, Моисей 40 лет водил евреев по пустыне, чтобы в них искоренилось

рабство, рабская психология. Сколько времени должно пройти в России, чтобы с нами произошла такая же перемена? Тоже 40 лет?

Студент Государственного аграрного университета Северного Зауралья В.Цыганок: В докладе прозвучала идея создания центров социальной диагностики — видимо, как федеральной службы. Насколько реально воплощение этой идеи в жизнь?

Профессор Тюменского государственного нефтегазового университета В.В.Гаврилюк: Мы видим, что отношение населения к нынешней государственной политике одобрительное. Оно поддерживает ее, оно готово терпеть негативные последствия. Однако как долго такая ситуация может длиться, особенно учитывая предшествующий опыт стабильности и комфорта?

Согласно одному из наших исследований, примерно треть молодежи испытывает страх перед будущим (при этом чем респонденты старше, тем страх сильнее). С другой стороны, возрастной порог страха потери работы снизился с 40—50 уже до 30 лет. Как академик Горшков мог бы прокомментировать такую статистику?

М.К.Горшков

К «ценностному ядру» я отношу те ценности, которые Европа стремится приватизировать и называет «европейскими». Между тем они общечеловеческие — мы напрасно вывели из оборота это слово. Семья, дети, друзья, благополучие, чистая совесть, душевная гармония, образование.

Можно долго рассуждать о новых моделях экономической политики, но они останутся красивыми словами без соотнесения с реальными культурно специфичными интересами, существующими здесь и сейчас в обществе, государстве, в различных социальных группах. Напомню слова Джона Ф. Кеннеди: «Общество не может быть более развитым, чем его образование».

Вот и губернатор Якушев говорил сегодня, по сути, о том, что экономика не может быть более развитой, чем ее кадры, ее управленческая культура. Умозрительные модели, в том числе модели трансформаций, всегда должны опираться на определенную «социальную базу». Зачастую идеалистическим построениям наших экономистов не хватает именно социального измерения, за счет которого они могли бы стать ближе к реальности. Например, общество, прошедшее пик потребительской революции, не останавливается в своем развитии, как это может показаться из теории. В нем возникают новые формы спроса, которые, в свою очередь, порождают новые всплески.

На вопрос о дифференцированных формах поддержки государством самодостаточных и несамодостаточных групп населения я хотел бы ответить, используя мнение самого населения. В последнее время общество все меньше желает обеспечивать всех нуждающихся без

разбора, тотально патерналистское представление о справедливости уходит в прошлое. По мнению общества, поддержки заслуживают только те, кто более всего незащищен: инвалиды, сироты и т.д. Однако, следуя такой тенденции, государство не должно перегнуть палку, не должно оттолкнуть от себя ни одну группу населения, объективно требующую особой заботы.

От того, как мы трактуем самодостаточность, зависит, может ли она восприниматься как угроза. Марксу принадлежит известный афоризм: «Нельзя жить в обществе и быть свободным от него». То же верно и в отношении государства. Индивид может и стремиться разрушить ограничивающие его нормы, и адаптировать к ним свои цели и амбиции. Безусловно, всегда есть и будут существовать носители обеих установок. Но, как я пытался доказать в докладе, в ситуации кризиса самодостаточные люди становятся своего рода буфером, позволяющим сохранить экономическую и социальную стабильность. В массе своей самодостаточные россияне — не угроза, а надежда.

Конкурентоспособность наших специалистов и вузовской системы в целом зависит от многих параметров, среди которых выделяются прежде всего качество образования и состояние рынка труда. Рынок, с одной стороны, формирует спрос на кадры, с другой стороны, адаптирует их к своим потребностям, включая в реальный производственный процесс. Новая культура подготовки специалистов у нас еще не сформировалась, поэтому действительно трудно выбрать какой-то конкретный, прямой путь реформ. Интересный вопрос: обязаны ли преподаватели публиковаться, в том числе в научных журналах высшей категории? Есть ли у них на это время, особенно учитывая необходимость заполнения чудовищного количества различных отчетных форм? На мой взгляд, акцент надо делать на разработке эффективных моделей взаимодействия выпускников с работодателями. Сегодня это наиболее быстрый способ завершения всех дискуссий. К тому же он может привести к решению практической задачи подготовки востребованных специалистов. И тут давайте помогать тем, кто способен пробиться, а не всем подряд.

А.И.Чирков

Это понятно. Но надо ли нам бежать «вперед планеты всей», лихорадочно реформировать, «оптимизировать», вводить что-то новое — как то происходит в том числе и в Тюмени?

М.К.Горшков

На мой взгляд, нет. Без серьезной проработки такие действия осуществляться не должны. Заказчики модернизационных проектов зачастую не понимают возможную цену их реализации. Если сейчас и тех, кто учит, и тех, кто учится, довольно много, то в ситуации постоянных преобразований их количество может значительно снизиться. Люди просто перестанут идти в образование, чтобы избежать лишней головной боли.

О внутренних опасностях. Все мониторинги, проведенные нами в последнее десятилетие, показывают, что первое место среди тех угроз, которые мы создаем себе сами, занимает социальная несправедливость. Пока ее не удастся сгладить, проблема останется. Показателен, например, случай «Оборонсервиса» и Евгении Васильевой. Он формирует у рядовых россиян представление, что бабушку могут посадить за пучок редиски, а тех, кто находится у власти, выпускают даже после обвинений в огромных взятках. Это несправедливо.

Надо обеспечить равенство всех перед законом. Однако не следует думать, что народ хочет «взять все и поделить». Уже давно нет. Неравенство, производное от различий в талантах и способностях, в том числе и имущественное, воспринимается, судя по опросам, как справедливое. Есть только два исключения — неравенство не должно распространяться на доступ к качественной медицине и качественному образованию. Об этом надо думать.

Когда Россия станет полностью готова к изменениям? Это вопрос ментальности, а ее нельзя «пересадить», нельзя перелить из одной пробирки в другую. Она может трансформироваться достаточно долго, в том числе и 40 лет. Наши соседи на востоке Украины продемонстрировали, что «через колено» ментальность, формировавшаяся десятилетиями, если не веками, не ломается.

Создание сетевых служб социальной диагностики на региональном и федеральном уровнях надо начинать не с нуля, здесь нужно опираться на существующие структуры сбора и обработки социологической информации (не только статистической). Я говорил не о новом государственном учреждении, а о консолидации разобщенного потенциала. Например, профессор Маркин привел сегодня данные, касающиеся эффективности органов власти Тюменской области. Так вот, сейчас она измеряется по 12 показателям. Я считаю их набор недостаточным, в ходе обсуждения соответствующего закона я предлагал 32 параметра. Потому что без многоуровневого и многопланового измерения понять реальную эффективность принимаемых государством решений очень сложно.

Как долго народ может терпеть? Хороший вопрос. Текущие события увеличили ресурс терпимости, но вместе с тем изменили его структуру. Пример той же Украины отчетливо демонстрирует, к какой катастрофе могут привести непродуманные действия и со стороны власти, и со стороны населения. На мой взгляд, россияне готовы терпеть долго. Но не бесконечно долго.

Данные европейских исследований молодежных групп показывают, что и там они довольно тревожно оценивают свое будущее. Только надо иметь в виду, что существенный вклад здесь вносит так называемый «родительский психоз» — когда мы начинаем паниковать заранее. Единственное, что могу здесь посоветовать, — это надо пережить. И мы это переживем.

Спасибо всем за плодотворную дискуссию: социологу очень важно чувствовать, что он не с абстракциями работает, чувствовать обратную связь. Сегодня я ее ощутил.